

Хэ Сы смотрел на его стройную, одинокую спину и хотел было образумить Чжао Цзинчжуна, чтобы тот впредь помягче обращался с братьями по оружию — неужто не видит, что парня чуть ли не до слёдов довёл? Но слова застряли на языке, и он так ничего и не сказал.

Хэ Сы понимал: говорить не стоило.

Все твердили, будто люди из Восточной палаты творят всякие злодеяния, жестоки и беспощадны. На самом же деле внутри самой Восточной палаты со своими обходились куда суровее. Не будь жёстким — не выжить; не будь безжалостным — не пробиться.

В Императорской гвардии — то же самое.

Дело с Янь Чунем сошло на нет, и Хэ Сы наконец вспомнил о той бесовской потрёпанной книге, что пряталась у него в рукаве, и о Лу Чжэнмине, который бездыханным лежал в восточном флигеле.

Поглаживая жёсткий переплёт в рукаве, он спросил:

— Ну, как тот человек?

Чжао Цзинчжун тут же изобразил на лице скорбное «я так и знал, что Наместник остался лишь ради этой мелкой бесовки», вздохнул и ответил:

— Докладываю Наместнику: кости треснули. Лекарь наложил шины, сказал — пролежать недели две-три...

Хэ Сы только:

— А.

Чжао Цзинчжун по-прежнему считал того младшего офицера ненадёжным. Особенно теперь, когда тот сообщил вести о Башне Тунцин, а там все оказались перебиты. Подозрения, которые ничем не смоешь. Держать его рядом — сплошная обуза. И он осторожно предложил:

— Раз уж лекарь уже обработал раны, может, прикажу его выбросить... то есть отправить домой?

Хэ Сы, переплетая пальцы, вдруг замер. Думаешь, раз быстро поправился, я не расслышал? Впрочем, оставлять рядом с собой человека из Императорской гвардии, чья личность ещё не выяснена, и впрямь не слишком разумно. Он уже собрался было ответить, но сердце его внезапно ёкнуло...

Хэ Сы безмятежно откинулся на подушки у изголовья и невозмутимо, будто гладь воды, промолвил:

— Уже поздно. Завтра решим.

Чжао Цзинчжун смотрел на Хэ Сы так, словно видел перед собой государя-неудачника, ослеплённого мужской красотой и ведущего страну к гибели. Тяжело вздохнул:

— Наместник совершенно прав.

Внешне Хэ Сы сохранял спокойствие, а внутри выл, словно щенок. Он не такой! Он не для этого! Его вынудили, Чжунчжун!

Кое-как выпроводив Чжао Цзинчжуна под благовидным предлогом, Хэ Сы переменялся в лице, злобно вытащил из рукава потрёпанную книгу и принялся яростно листать.

И точно: на странице после «Часто возвращайся домой» обнаружилась свежая строка, выведенная тушью: «Шэньнун распознал пять знаков и даровал их людям всей Поднебесной. Дела нынешнего дня... Хоть и говорят, что благородный муж держится подальше от кухни, но евнуху отступать некуда! Омой руки и свари похлёбку, поделись с другими, юноша!»

Хэ Сы...

Хэ Сы ледяно усмехнулся, глядя на книгу.

— Хе-хе.

Страницы затрепетали. Книга жалела, что в порыве энтузиазма вылезла вслед за ним, — лучше бы ей мирно лежать под ножкой стола! QAQ

Хэ Сы спокойно (и бесстрастно) захлопнул книгу. Он думал, что однажды не выдержит и уничтожит её вместе с собой.

Потрёпанная книга...

Несправедливо! Она всего лишь невинная маленькая книжечка!

...

Осенние и зимние дни коротки. Багровый отсвет заката быстро скрылся за грядями воронёных облаков, опустив на землю густой серо-чёрный туман.

Хэ Сы привёл себя в порядок и вышел из комнаты как раз в тот миг, когда барабаны Тайпина отбили трёхсотый удар. Казалось, дневное оживление Столицы вместе с их гулом утонуло в ночном мраке.

Переулки за пределами усадьбы были тихими. Ночной сторож ещё не вышел, лишь едва слышные голоса доносились из соседних домов.

В душе Хэ Сы вдруг стало как-то не по себе. Он смутно припоминал, как читал в одной книге, что много лет назад ночи в Столице были не столь безлюдными и безмолвными. По улицам и рынкам катились повозки, толпился народ; богато украшенные экипажи скользили меж благоухающих деревьев и цветов, алое и пёстрое платье слепило глаза...

Какой же это был бы пышный вид! Хэ Сы никогда его не видел, но отлично понимал, отчего ночная Столица ныне так пустынна.

Из-за той осады, когда иноземцы-ху окружили столицу на несколько месяцев и обрекли её на ужас, когда в переулках менялись детьми, чтобы их съесть. А ещё из-за... них самих, тех, кто скитался в ночи, — вездесущих.

Свет под карнизом мягко лёг на переносицу Хэ Сы, смягчая его черты.

Лу Чжэнмину, только что вышедшему из дверей, показалось, будто на том юном лице он разглядел лёгкую печаль.

Ступив за порог, Лу Чжэнмин замер, устремив взгляд на профиль Хэ Сы, и слегка приподнял

брови:

— Наместник...

Хэ Сы обернулся на голос, в глазах его ещё мелькала не успевшая схлынуть растерянность.

Миг они молча смотрели друг на друга. Лу Чжэнмин тронул уголки губ улыбкой и уже собрался заговорить, как вдруг наглый крик прервал его:

— Мяу!

Трёхцветная кошка, чья внешность никак не могла считаться выдающейся, потянулась на голом старом дереве, снова мяукнула, спрыгнула вниз и метнулась напрямик к Хэ Сы.

Хэ Сы не успел и глазом моргнуть, как ему в лицо впилась кошачья шерсть. Не успев опомниться от ошеломления, он обнаружил, что трёхцветка уже юркнула к нему на плечо, вцепилась когтями и принялась усиленно тереться о его шею и щеку:

— Мяу~ Мяу~ Мяу~

Хэ Сы...

Лу Чжэнмин...

Лу Чжэнмин, глядя на позеленевшего Хэ Сы, изо всех сил сдерживал смех и с невозмутимым видом произнёс:

— Наверное, проголодалась.

Кашлянул и, ни капли не смущаясь, указал на себя:

— Я тоже проголодался.

И вот уже оба, и кошка и человек, уставились на Хэ Сы в ожидании.

Хэ Сы взбесился. К чёрту! Я что, ваша мать, чтобы меня сосать???

Четверть часа спустя Чжао Цзинчжун принял у слуги несколько свёртков и пакетов и занёс их на кухню.

Он с тревогой смотрел на Хэ Сы, медленно закатывавшего рукава, словно тот был палачом с занесённым топором:

— Наместник, если вы не доверяете еде, купленной на стороне, я сам приготовлю для вас. Зачем вам самим браться за стряпню?

Хэ Сы изящно и естественно подвернул оба рукава, вымыл руки в медном тазу и холодно отрезал:

— Не надо.

Чжао Цзинчжун попытался было возразить.

Хэ Сы без тени выражения взглянул на него:

— Слышал я от приёмного отца, что в десять лет ты впервые взялся за готовку и спалил кухню дотла. В двенадцать лет сварганил своему наставнику лапшу долголетия, да перепутал в супе ядовитый болиголов с целебным женьшенем — чуть учителя не отправил на тот свет. А в восемнадцать отправился под прикрытием в таверну, что князь Нин открыл в Столице, и меньше чем за час тебя вышвырнули за порог...

Чжао Цзинчжун... На глазах его выступили слёзы, он всхлипнул, прикрыл лицо и, громко топая, выбежал с кухни.

Хэ Сы тяжело вздохнул. Порой он просто не мог понять, почему под грубой внешностью Чжунчжуна скрывалось такое нежное и ранимое девичье сердце...

Возможно, приёмный отец давно это разглядел и потому назначил его своим личным слугой — чтобы они стали парой закадычных подружек.

Хэ Сы вымыл руки, обернулся и увидел на табуретке человека и кошку...

Эти двое, прижавшись друг к другу, выглядели точь-в-точь как два голодных ягнёнка.

Хэ Сы с изумлением размышлял, как это он, Наместник Восточной палаты, мирно уживается в одной комнате со слугой Императорской гвардии, да ещё и вынужден теперь готовить ему еду. Терпение лопнуло, и он швырнул нож:

— Иди резать овощи!

Узкий нож длиной с ладонь прочертил в воздухе резкую дугу и, словно падающая звезда, устремился напрямик в лицо Лу Чжэнмина.

Лу Чжэнмин даже не шелохнулся, лишь молниеносным движением перекинул кошку на плечо. В мгновение ока остриё остановилось у самого его носа, не продвинувшись ни на йоту.

Двумя пальцами зажав лезвие, он неспешно поднялся, прихватил с собой табурет, уселся рядом с Хэ Сы, ловко подхватил картофелину и принялся её чистить, притворно вздохнув:

— Приказ Наместника — как посмею послушаться?

Трёхцветная кошка, всё ещё не оправившись от испуга, жалобно мяукнула, припав к его плечу.

Хэ Сы предполагал, что Лу Чжэнмин неплохо владеет боевыми искусствами, но не думал, что случайная проверка так его ошеломит.

Он с детства упражнялся с приёмным отцом, но от природы не был к тому способен. Внешние практики не давались — кожа нежна, голова не крепка; внутренние — дыхание слабо, дантянь узок. Учителей боевых искусств, что он за свою жизнь довёл до гроба, хватило бы, чтобы три с половиной раза обогнуть Столицу. В конце концов приёмный отец оставил попытки взрастить в нём мастерство и переключился на воспитание Четырёх Великих Хранителей. И тогда в Восточной палате частенько раздавались их душераздирающие вопли, из-за чего Хэ Сы какое-то время чувствовал себя весьма неловко.

Хотя Хэ Сы и не блистал в кулачном искусстве, но, как говорится, «свинью не едал, а видел не раз». Тот приём, что только что продемонстрировал Лу Чжэнмин, был ничуть не хуже, чем у Ли Баого, славившегося своей ловкостью.

Взглянув так, Хэ Сы и впрямь задумался, не взять ли ещё одного подручного. Но прежде — разузнать о прошлом Лу Чжэнмина.

Его приёмный отец говаривал: «Коль берёшь человека — не сомневайся; коль сомневаешься — не бери. Все, чьи мысли не дотягивают до уровня, чьё сознание не на должной высоте, — ни в коем случае не допускать в Восточную палату, а уж тем более — держать при себе».

Хэ Сы, выслушав, пребывал в недоумении: а какие, собственно, у них в Восточной палате мыслительные стандарты???

В других ведомствах при приёме требовалось, чтобы человек хоть внешне был порядочным. А у них в Восточной палате?

<http://bllate.org/book/16284/1467005>